

протоиерей Николай Соколов,
выпускник МДС 1959 года

Родные лица

В Московскую духовную семинарию я поступил сразу после окончания средней школы по рекомендации архиепископа Иркутского и Читинского Палладия (Шерстенникова; †1976), впоследствии митрополита Орловского и Брянского.

С детских лет, как только у нас в Иркутске открылись храмы (до 1943 года все храмы в Сибири были закрыты), я с мамой и бабушкой стал посещать Знаменский храм, впоследствии ставший кафедральным собором. В 1948 году, когда возобновилось архипастырское управление и прибыл архиепископ Ювеналий (Килин; †1958), принявший пред кончиной схиму с именем Иоанн, меня взяли в алтарь прислуживать при архиерейской службе. Иподиакономствуя и иногда участвуя в церковном хоре, я познавал церковное богослужение. Архиепископ Палладий, управлявший Иркутской епархией с 1949 года, заботился об уставном совершении служб, сам служил торжественно и был очень требовательным. Все это способствовало тому, что я очень хорошо знал церковный устав и неплохо читал по-славянски.

Проходило детство, юность, я окончил школу. Наступило время выбирать жизненный путь, и я без колебаний решил поступать в Духовную семинарию, хотя «добрых советчиков» не делать этого в то время было достаточно. Владыка Палладий дал мне рекомендацию для поступления, и в конце

августа 1956 года я впервые вступаю на священную землю Троице-Сергиевой Лавры.

Братия

Прибывают и другие абитуриенты, знакомимся друг с другом, волнуемся... Конкурс оказался довольно большим. Есть среди нас иподиаконы от разных архиереев, естественно, с архиерейскими рекомендациями. Все усердно молимся в Троицком соборе у мощей преподобного Сергия Радонежского об успешном поступлении. Наконец, прошли вступительные экзамены и собеседования, которые предваряла медицинская комиссия. После всего этого было объявлено, что я и еще трое поступающих зачислены сразу во второй класс Московской духовной семинарии при условии сдачи экзаменов по всем предметам за первый класс к концу первого полугодия. Это было непросто. Нужно было учить и текущий материал за второй класс, и самостоятельно осваивать материал по всем предметам за первый. Особую трудность для меня представляло изучение катехизиса и грамматики церковно-славянского языка. Все мы, поступившие сразу во второй класс, с Божией помощью справились с поставленной перед нами задачей и, сдав экзамены, со второго полугодия уже были равноправными воспитанниками второго класса.

х., м., ЦАК МДА

Профессор Анатолий Васильевич Ушков
(1894–1972)

С особым чувством хочется отметить тот факт, что мы, вновь влившиеся в коллектив для нас еще незнакомый, были приняты именно по-братски. И обращение ко всем «братия» не звучало формально — это братство ощущалось на самом деле. Нам, новичкам, старались помочь старшие по возрасту: Володя Фролов, тогда иподиакон Николая (Ярушевича), митрополита Крутицкого и Коломенского, ныне протоиерей одного из храмов Москвы; Саша Куликов, ныне протоиерей Александр, настоятель храма во имя святителя Николая Чудотворца в Кленниках, да и другие. Володя Фролов проявлял какую-то особо трогательную опеку по отношению к нам и ко мне в частности. Потом наши взаимоотношения переросли в добрую дружбу, о которой всегда приятно вспоминать.

Единое на потребу

Потекли семинарские будни, наполненные внутренним содержанием, способствующим правильному настрою души будущих пастырей. То, что духовная школа находится в стенах Лавры, где покоятся святые мощи аввы Сергия, имеет огромное значение. У семинаристов имеется неписанное правило — начинать день с посещения Троицкого собора, чтобы испросить благословение у Преподобного. Нередко мы посещали братский молебен у раки преподобного Сергия и, приложившись к его святым мощам, шли на занятия. Если по какой-то

причине утром не получалось приложиться к святым мощам, после занятий мы обязательно восполняли этот пробел. Это было зовом души, какой-то потребностью, без которой мы не мыслили себя, вернее, чувствовали какую-то ущербность. Само пребывание в стенах монастыря, участие в монастырских службах, возможность иметь духовное руководство, конечно, настраивали нас на духовный лад. Очень важным моментом нашего духовного становления было то, что мы имели возможность жить церковной жизнью, участвуя в богослужениях и в Покровском академическом храме, и в храмах Лавры в воскресные и праздничные дни, и неся послушание в так называемых «десятках». Все студенты были разделены на десять групп, которые по будням поочередно пели на клиросе в Академическом храме.

Вопросы на уроках и переменах

Преподаватели нашей духовной школы применяли все свои знания и опыт для того, чтобы воспитать из нас достойных пастырей Церкви. Были у нас и довольно молодые преподаватели, были и маститые, умудренные опытом. Мне особенно нравились лекции тогда еще священника Константина Нечаева (впоследствии митрополита Питирима; †2003). Как живо и образно он доносил до нас преподаваемые предметы! Всегда можно было с ним побеседовать во время перемен, задать волнующие тебя вопросы. Многие пользовались такой возможностью. Отца Константина чаще всего можно было видеть прогуливающимся по коридору с указкой в руках и беседующим с кем-нибудь из семинаристов.

Алексей Иванович Георгиевский, преподававший литургику, запечатлелся в моей памяти благоговейно верующим человеком. Когда он говорил о Божественной Литургии, казалось, он живет ею. Когда он доходил до объяснения особо важных моментов, он вставал на кафедре и к его словам добавлялись переливающиеся через край чувства.

Василий Дмитриевич Сарычев, преподававший догматическое богословие, вероятно, кому-то мог показаться этаким «сухарем». Он был всегда серьезен, говорил спокойно, взвешенно, лишь изредка можно было увидеть на его лице очень сдержанную улыбку. Аскетически настроенный, он очень серьезно относился ко всему и тем более — к преподаваемому им предмету. От нас он всегда требовал четких ответов на поставленные вопросы. А иначе и нельзя. Чуть неточно выразишь мысль — недалеко до ереси. Такова уж специфика этой дисциплины. Естественно, у нас, воспитанников Семинарии, возникало много вопросов, которые мы задавали Василию Дмитриевичу на уроках. И он всегда взвешенно, аргументированно отвечал нам, рассеивая наши сомнения.

Понять и полюбить

Своеобразную любовь к языкам привили мне маститые преподаватели: славянского языка — Анатолий Васильевич Ушков, и латинского — Николай Михайлович Лебедев. Они оба были по-своему влюблены в преподаваемые ими предметы. Мне еще в школьные годы языки давались легко, и я очень любил их. От изучения латыни в моей памяти до сих пор остались многие пословицы и поговорки, которые время от времени диктовал нам Николай Михайлович, наш *amicus* дорогой, как его мы называли. Он всегда нас приветствовал перед началом урока: «*salvete, amici clarissimi*» — «здравствуйте, дорогие друзья».

Анатолий Васильевич побуждал нас вникать в смысл славянского текста и просил находить встречающиеся в богослужебных книгах опечатки, которые ведут к неправильному пониманию смысла. Теперь это помогает мне при работе со ставленниками и с начинающими чтецами, которые далеко не всегда понимают текст, который читают. Церковно-славянский язык нужно понять и полюбить. Я категорически не согласен с теми, кто в настоящее время призывает к переводу богослужения на «более понятный» русский язык. Как минимум, это нас только обеднит. И утрата может оказаться невозполнимой.

Нельзя не вспомнить и того, с каким энтузиазмом Анатолий Васильевич читал для всех учащихся и учащихся лекции по астрономии и другим естественно-научным предметам. Велика была его эрудиция и желание поделиться со студентами своими знаниями.

Закалка

Очень добрая и светлая память в моем сердце осталась об отце протоиерее Иоанне Козлове, прибывшем к нам из Ленинградской духовной академии, — он читал нам лекции по сектоведению и расколоведению. В свое время он сам был миссионером и часто очень образно рассказывал нам, как ему приходилось вести диспуты с расколотыми учителями. Он подкреплял свои лекции живыми примерами из своей миссионерской деятельности. Не раз он говорил нам, как бы готовя нас к сегодняшнему дню: «Придет время, и вам придется защищать чистоту веры Православной». Посмотрит на нас из-под своих седых бровей, поднимет руку, показывая на широкий рукав своей рясы, и промолвит: «Когда станете священниками, никогда не стесняйтесь этого широкого рукава...» Он очень дорожил простой верой рядовых прихожан, говоря нам: «почаще смотрите на эти белые платочки, на белых платочках наша вера стоит». А как он скорбел об отреченцах Дулумане, Дарманском и им подобных! В ту пору было модно публиковать

*Профессор протоиерей Константин Ружицкий
(1888–1964)*

в газетах собственные отречения от веры и сана. У нас это вызывало негодование.

В это время писалось много всяких антирелигиозных статей и брошюр, «научно» обосновывающих атеизм. И как только в книжном магазине, находившемся недалеко от Лавры, появлялось что-то новое из этой серии, первыми покупателями были семинаристы. Мы старались быть в курсе всего, что писалось атеистами, старались найти контраргументы на их доводы и, конечно, обсуждали эти статьи вместе с отцом Иоанном Козловым. Все это закаляло нас духовно и помогало утверждаться в истинах Православия.

Особую симпатию у семинаристов снискал архимандрит Леонид (Поляков; †1990), скончавшийся в сане митрополита Рижского и Латвийского. Он тоже прибыл к нам из Ленинградской духовной академии, преподавал гомиетику и занимал должность инспектора Московских духовных школ. Несмотря на его административное положение и, казалось бы, недостижимость, он всегда был окружен студентами, чего не скажешь о ректоре протоиерее Константине Ружицком, который всегда гулял в гордом одиночестве.

Особо запомнилось возвращение из Духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Пимена (Хмелевского), впоследствии архиепископа Саратовского (†1993). Отец Пимен провел для всех нас цикл бесед-рассказов о Святой Земле с показом собственных цветных слайдов. Это сейчас многие там

побывали и могут поделиться своими впечатлениями, а для нас в то время встречи с отцом Пименом были первым и удивительным знакомством с великими христианскими святынями.

Праздники вдвойне

Чувство особого духовного трепета ощутил я, когда сподобился впервые получить благословение Первосвятителя Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Его Святейшество по традиции посещал Духовные школы и на престольный праздник, когда проводился годичный акт, и непременно в день памяти митрополита Московского Филарета, когда у нас проводились Филаретовские вечера. Святейший Патриарх обязательно что-то рассказывал нам о митрополите Филарете. Всегда во время визитов он благословлял каждого студента в отдельности, пронизывая своим взглядом. Получить благословение Святейшего было счастьем для нас.

К праздничным датам особенно усиленно готовились хористы — разучивали как духовные песнопения, так и произведения классики. Мне довелось застать преподавателя церковного пения Ивана Николаевича Аксенова, участника Придворной капеллы, для которого ноты были не просто знаками, а чем-то живым. К концертам, во всяком случае, в первый год моего обучения в Семинарии, мы готовились именно под его руководством. Праздники в Академии были для нас, певцов, праздниками вдвойне. Было и ответственно, и радостно.

*Профессор Николай Михайлович Лебедев
(1879–1967)*

х., м., ЦАК МДА

Очень сильное впечатление на меня производило богослужение Прощеного воскресения, когда все учащие и учащиеся испрашивали друг у друга прощение. Наблюдать этот чин мне доводилось сверху, с хоров. Было трогательно смотреть, как все студенты подходили поочередно друг к другу, выстраиваясь в длинную цепочку. После чина прощения наступало особое умиротворенное чувство. Остались в памяти и общие исповеди, проводимые духовником Лавры архимандритом Петром. Удивительно радостный настрой души создавали пасхальные богослужения в Лавре, особенно, когда по лаврской традиции наместник, христосуясь, бросал народу пасхальные яйца. Народ с радостью их ловил, громогласно отвечая: «Воистину воскрес!» Такое зрелище было для меня новым.

Однокашники

Все это — небольшие штрихи к описанию нашей семинарской жизни, которая объединяла нас в единую семью и готовила нас к предстоящему служению. После окончания Семинарии в 1959 году я был зачислен в Московскую духовную академию, но заниматься довелось чуть больше месяца в связи с тем, что вместе со многими моими собратьями я был призван на службу в армию. После армии пришлось учиться в Академии заочно, что, конечно, несравнимо со стационарным обучением. О семинарских годах осталось самое теплое воспоминание, и дружба между нами, бывшими «однокашниками», не прекратилась. Свидетельством тому — наши встречи по случаю годовщин окончания Семинарии. Особенно мне памятна встреча на десятилетие нашего выпуска — к тому времени мы уже стали довольно солидными протоиереями и протодиаконами.

Отрадно сознавать, что из нашего семинарского выпуска есть и святители Церкви Христовой. Это митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим (Руснак) и архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий (Смирнов), на долю которого выпало преподавание в Московских духовных школах и восстановление порушенных Данилова монастыря и Оптиной пустыни. Есть среди нас и профессор Московских духовных школ. Это Алексей Ильич Осипов и уже покойный игумен Марк (Лозинский). Отрадно, что многие из нас с честью трудятся на ниве Христовой как пастыри Церкви, между прочим, большинство — в первопрестольном граде Москве. Некоторые уже отошли в вечность.

Пусть Господь Пастыреначальник поможет всем нам по возможности достойно пройти оставшийся путь нашей земной жизни, а достигнув вечности, с дерзновением сказать: «Господи, вот я и дети, которых Ты мне дал. Не лиши нас Твоих милостей и щедрот во Царствии Твоем!»